

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

GENERAL HISTORY

УДК 94

Татьяна Львовна Александрова,
кандидат филологических наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23, стр. 5а),
e-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

Последние годы императрицы Евдокии в Палестине

В статье рассматривается позиция императрицы Евдокии в спорах между халкидонитами и миафизитами в 50-е годы V века. Свидетельства о ней противоречивы: обе партии называли императрицу своей сторонницей. В науке принято относить её к той или иной партии, но критерии этого отнесения весьма субъективны, поскольку субъективны и представления исследователей о степени воцерковлённости Евдокии. Автор данной статьи вновь рассматривает все сохранившиеся источники, повествующие о пребывании Евдокии в Палестине и об её религиозной позиции. На материале источников удаётся показать, что Евдокия достаточно хорошо разбиралась в доктринальных вопросах, а кроме того была вовлечена в политику в связи с наследованием престола. В монашеской среде, как халкидонитской, так и миафизитской, она пользовалась значительным авторитетом и обе стороны отзывались о ней с сочувствием. Неизвестно, было ли такое отношение следствием тонкой дипломатии царицы или обе партии манипулировали ею и постигшим её несчастьем (пленением вандалами её дочери и внучек). Однако окончательное решение вопроса представляется невозможным ввиду ретроспективных искажений в свою пользу, которые допускают обе стороны. Высказывается предположение, что последующая реабилитация Евдокии у халкидонитов связана с политикой примирения в отношении миафизитов, которую проводил Юстиниан.

Ключевые слова: императрица Евдокия, Палестина Иерусалим, халкидониты, миафизиты, религия, христианство

Вводная часть. В данной статье речь идёт о последнем десятилетии жизни императрицы Евдокии (после 401–460), супруги Феодосия II, проведённом ею в Иерусалиме. Вопрос, который будет интересовать нас в первую очередь, – какова была позиция Евдокии в религиозной войне того времени и каково в итоге её отношение к решениям Халкидонского собора.

Ортодоксальная византийская историографическая традиция говорит о том, что в 450-е годы Евдокия оказалась в стане антихалкидонитов, но впоследствии не без влияния жизненных обстоятельств признала соборные решения и вернулась в лоно православия. Основными источниками этих сведений служат сохранившееся письмо к царице папы Льва Великого и сведения из житий, написанных в VI веке Кириллом Скифополь-

ским. Впоследствии установилось вполне благосклонное отношение к Евдокии; считается, что она канонизирована Православной церковью, хотя свидетельства её почитания единичны: упоминание в Константинопольском Синаксаре под 13 (26) августа и в месяцеслове славянских прологов («благочестивая царица наша бывшая Евдокии во свв. апостолах» [4, с. 585; 8, с. 51]), а также мраморная икона, выполненная в технике *opus Alexandrinum*, с изображением молящейся царицы и подписью *НАΓΙΑ ΕΥΔΟΚΗΝΑ*, из монастыря Лепса [8, с. 50–54], находящаяся в Стамбульском Археологическом музее. Ни в том, ни в другом случае нет полной уверенности, что имеется в виду именно эта Евдокия. Таким образом, настоящего культа её никогда не существовало, хотя ортодоксальные историки, как правило, говорят о ней с симпатией.

Однако в православной историографии есть и следы иного отношения к Евдокии, с явной попыткой её дискредитации и осуждения. Одним из основных источников такого взгляда оказывается фрагментарно дошедшая до нас «Евфимиева история» [3; 9, с. 205–209]. Вместе с тем известно об уважительном отношении к Евдокии в миафизитской историографической традиции, которая ничего не говорит о принятии ею решений Халкидона¹. Здесь источниками являются сочинения миафизитских авторов: Геронтия, Иоанна Руфа, Иоанна Никиусского.

Методология и методы исследования. Традиционно исследователи принимают точку зрения ортодоксальной историографии. Считается, что Евдокия, «обманутая» еретиками, в конце жизни всё же покаялась и вернулась в лоно церкви. Несмотря на ряд появившихся в последние десятилетия исследований, в которых затрагивается тема пребывания Евдокии в Палестине (работы А. Кэмерона, К. Холэма, К. Хорн, К. Клейна), вопрос её религиозной позиции представляется недостаточно освещённым. А. Кэмерон, в сущности, оставляет его за рамками исследований, К. Холэм считает Евдокию лишь номинальной христианкой и не принимает её религиозную позицию всерьёз, К. Хорн, занимаясь преимущественно миафизитской традицией, склонна причислять Евдокию к миафизитам, К. Клейн пишет о строительстве, осуществляемом Евдокией, но не затрагивает её взглядов. Настоящая работа имеет целью восполнить этот пробел и на основе сравнительно-исторического анализа источников попытаться выявить позицию царицы. В статье собраны, переведены и проанализированы наиболее важные источники по исследуемому вопросу.

Результаты исследования и их об- суждение. После Халкидонского собора 451 года Палестину охватила настоящая религиозная война. Конфликт в значительной мере был спровоцирован позицией архиепископа Иерусалимского Ювеналия. На II Эфесском («Разбойничьем») соборе он был сопредседателем архиепископа александрийского Диоскора и его убеждённым сторонником² [11, с. 76, 83–85]. За последующие

¹ Иоанн Руф («Плерофории», гл. 25) говорит о посещении Евдокией Антиохии ради помощи миафизитскому монаху Роману. Возможно, ту же её поездку халкидониты истолковывали как посещение Симеона Столпника – или наоборот, миафизиты перетолковывали действие императрицы по-своему.

² Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. – Т. 1-4, Vol. 1–17. – P. 76, 83–85.

два года резко сменилась власть: после неожиданной смерти Феодосия II на престол взошла его девственная сестра, 50-летняя Пульхерия, поддерживаемая военачальниками Аспаром и Ардаврием и выбравшая в мужа пожилого домостика Маркиана, ранее служившего под началом Аспара. Пульхерия и Маркиан придерживались взглядов, противоположных тем, которые проводил Феодосий II, и в октябре 451 года создали собор в Халкидоне, проходивший под жёстким контролем властей.

Провожая архиепископа Ювеналия на собор, его иерусалимская паства, видимо, не сомневалась в позиции своего архипастыря. Тем не менее непосредственно на соборных заседаниях Ювеналий резко сменил направление, отрекшись от прежних единомышленников и их взглядов³.

Не затрагивая вопроса об оправданности или неоправданности тех или иных действий разных лиц, можно лишь констатировать, что во всей этой истории для неискушённого наблюдателя было немало соблазна во всём, начиная от легитимности брака Пульхерии, которую считали посвящённой девственницей (по законам того времени посвящённые девственницы не имели права вступать в брак) [1, с. 387], и кончая внезапным «прозрением» Ювеналия, в котором вполне можно было усмотреть и акт конформизма перед лицом новой императорской власти.

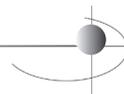
На соборе присутствовал один из иерусалимских монахов, Феодосий⁴, который, возмущившись отступничеством своего архиепископа, вернулся в Иерусалим, и тут же был возведён в архиепископы взамен Ювеналия, которого паства не приняла. Противостояние продолжалось в течение 20 месяцев и только в 453 году Ювеналий был восстановлен на кафедре императорскими войсками, а Феодосий бежал⁵.

Евдокия всё это время находилась в Иерусалиме. Обычно считается, что на трон она уже не могла претендовать, потому что была сослана самим Феодосием. Однако никакие близкие по времени источники об этом не говорят. Во всяком случае, её брак с Феодосием расторгнут не был. По законам, действовавшим в империи со времён Диоклетиана, законным преемником почившего августа становился его соправитель [5, с. 63–65]. Для Феодосия II это был его – и Евдокии – зять,

³ Там же. – P. 107, 115.

⁴ Там же. – P. 131–132. Ср.: у Кирилла Скифопольского, в «Житии Евфимия Великого», гл. 27.

⁵ Там же. См.: у Никифора Каллиста, «Церковная история», гл. 15, 9.

муж их дочери, Валентиниан III. У него были две дочери, на тот момент ещё подростки. В будущем они тоже могли рассматриваться как претендентки на престол, – точнее, как жены для потенциальных претендентов.

Теоретически правами на трон обладала и сама Евдокия, которая могла выйти замуж, хотя никто из историков не говорит, что она активно добивалась престола. Тем не менее её оппозиция к узурпировавшей власть Пульхерии очевидна. Историки церкви нередко называют Евдокию вдохновительницей сопротивления [ср.: 3, с. 298], хотя древними источниками это не подтверждается. Столь резкая смена позиции архиепископа Ювеналия неизбежно должна была встретить противодействие и независимо от усилий Евдокии. Несомненно лишь то, что она сочувствовала восставшим, однако в чём выражалась поддержка, неизвестно, и, возможно, она состояла в простой лояльности к ним и церковной благотворительности, о которой речь пойдёт ниже. Как бы то ни было, после водворения Ювеналия на кафедру никаких репрессий в отношении Евдокии со стороны императорской власти не последовало.

Первое свидетельство, отчасти проливающее свет на обстановку в Палестине, – письмо к Евдокии папы Льва от 15 июня 453 года (письмо 69).

«Лев – Евдокии августе [о палестинских монахах]. Не сомневаюсь, что твоему благочестию известно, сколь велика моя забота о кафолической вере и с каким тщанием я, насколько Господь даёт сил, должен предотвращать противодействие Евангелию со стороны несведущих и нечестивых. И потому вместе с долгом приветствия, коим мне всегда следует чувствовать Вашу милость, я молю Господа, чтобы Он порадовал меня известием о том, что [духовно] ты в безопасности, и что вопросы веры, которыми были смущены сердца некоторых монахов в палестинской провинции, постепенно улаживаются при твоей помощи, чтобы, насколько это возможно для твоего благочестивого рвения, еретическое уклонение лишилось опоры. Ведь тех, кого не убедили ни смысл священнодействия, ни власть Писаний, ни сами свидетельства святых мест, что, кроме серьёзной опасности, может устрашить? Да послужит на пользу церквам, как, по милости Божией, уже и служит, и да послужит на пользу человеческому роду, воспринятому в воплощении Слова Божия, Ваше решение избрать для своего жительства места, где Вам представлены говорящие свидетельства того, что Господь Иисус Христос – истинный Бог

и истинный Человек в единстве Лица. Итак, если вышеназванные чтут имя кафолической [веры] и желают числиться членами Тела Господня, то пусть отвергнут лукавые заблуждения, которые неразумно приняли, и принесут покаяние за нечестивую хулу и кровавые преступления. Пусть они ради спасения своих душ подчиняются решениям собора, которые были утверждены во граде Халкидоне и, поскольку, чтобы познать таинства человеческого спасения, нет других средств кроме истинной веры и спокойного смирения, пусть веруют в то, что читают в Евангелии, что исповедуют в символе веры, и не смешивают это с нечестивыми учениями. Ибо кафолическая вера осуждает как Нестория, который дерзнул исповедовать во едином Господе Иисусе Христе два лица, так и Евтиха с Диоскором, которые отрицают, что единое Слово Божие во чреве Девы Матери восприняло истинную человеческую плоть. И если Ваше убеждение возымеет воздействие ради обращения вышеназванных, то это принесёт вам вечную славу. Прошу, сообщите мне об этом письмом Вашей милости, чтобы я порадовался, что и Вы получили плод доброго труда, и они по милосердию Господню не погибли»¹.

Из самого текста можно сделать вывод, что папа обращается к царице не как к заблудшей, но как к единомышленнице, хотя такой тон скорее свидетельствует о его тонкой и изворотливой дипломатии, а не о реальной близости их взглядов. Примечательно, что он касается и богословских вопросов, из чего можно заключить, что Евдокия в них достаточно хорошо разбиралась и они были актуальны, если не для неё самой, то постольку, поскольку она имела сношения с палестинскими клириками. Формулируя в немногих словах халкидонскую позицию, Лев избегает пререкаемого слова «природа» и отмежевывается как от Евтиха, так и от Нестория, поскольку противники Халкидона считали принятые на нём формулировки несторианскими. Интересно также, что поселение Евдокии в Иерусалиме папа объясняет исключительно её собственным желанием, а никак не вынужденными обстоятельствами, и играет на её честолюбии, показывая ей возможность прославить своё имя в церкви. Обращение «августа» свидетельствует, что этого титула Евдокия лишена не была.

В чуть более раннем письме к епископу Юлиану (письмо 63), от 12 апреля того же

¹ Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. – T. 1–4, Vol. 1–17. – P. 77 (пер. с лат. мой – Т. А.).

года Лев признаётся, что действует по поручению императора (очевидно, Валентиниана): «...милостивейший император соблаговолил тайно поручить мне через сына нашего Павла обратиться с увещаниями к дочери нашей, милостивейшей августе Евдокии. Я сделал то, чего он желал, а именно, изложил ей в письме, чтобы она знала, сколь благие плоды принесёт ей самой покровительство кафолической вере, и чтобы она вняла письмам по этому поводу милостивейшего императора, своего сына, и чтобы она сама в благочестивом усердии потребовала от зачинщиков смуты вспомнить о цели своего призвания, и уж если они не понимают проповеди учащих, пусть хотя бы убоятся власти карающих»¹ [11, с. 69]. Интерес к этим переговорам Валентиниана, вероятно, указывает на то, что «плоды» касались будущего наследования престола. Известно, что Валентиниан III считал законным наследником себя, а Маркиана – узурпатором, не признавая его консулов и не упоминая его имени в подписываемых документах [5, с. 63–65].

Надо также учитывать, что в эти годы отношения между Западом и Востоком были небезоблачны также и из-за 28 правила Халкидонского собора, фактически уравнивавшего в правах Константинополь и Рим. Возможно, обращаясь к Евдокии, папа надеялся на какие-то новые политические альянсы и перспективу пересмотра этого правила в будущем.

Из обоих писем можно также заключить, что, если папа связывал с Евдокией надежды на умирение Палестины, то она с одной стороны, вела себя достаточно дипломатично, а с другой – пользовалась значительным авторитетом в среде палестинского монашества². Последнее подтверждается и другими источниками, причём можно сказать, что Евдокия в этом отношении – исключительная фигура, поскольку о ней с равным уважением отзываются халкидониты и миафизиты.

Другое свидетельство, относящееся к тем же годам, – «Житие прп. Мелании», написанное преемником подвижницы, архимандритом Геронтием, принадлежавшим к числу убеждённых противников Халкидона. Хотя в житии речь идёт о событиях более раннего времени, в нём фигурирует и Евдокия,

¹ Пер. с лат. мой – Т. А.

² Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. – Т. 1–4, Vol. 1–17. – P. 135–136. Интересно, что Пульхерия, также озабоченная ситуацией в Палестине, Евдокию игнорирует, направляя увещательное письмо игумении одного из женских монастырей – Вассе.

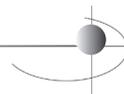
посетившая монастырь Мелании во время своего первого паломничества в Иерусалим в 438 году. Энкомиастический тон в отношении царицы не оставляет сомнений в том, что Геронтий также причисляет её к своим единомышленникам. Слова, вложенные в уста Мелании: «Нам, приявшим иго Христово, кто имеет силы, столь верную царицу на руках носить надо, прославляя силу Божию, что восставил в наши дни столь благочестивую правительницу»³ – независимо от того, производила их Мелания или нет, отражают взгляд самого Геронтия и других антихалкидонитов.

«Житие Мелании» дошло в двух редакциях – греческой и латинской. Более ранней считается греческая, хотя, по-видимому, и она сохранилась не в первоначальном виде. В то же время в латинской редакции Евдокия изображена более сдержанно и даже есть намёки на моменты обострения в её отношениях с Меланией: так, Евдокия хочет забрать с собой в Константинополь одну из сестёр Мелании, чему преподобная противится (гл. 65). Возможно, этот эпизод был добавлен, когда позиция царицы, с точки зрения автора жития, была уже не столь однозначна и похвальна.

Тем не менее антихалкидониты продолжали относиться к Евдокии с уважением и в последующие века. Яркий пример тому – то, как она изображается в сочинениях миафизитского автора Иоанна Руфа. Он характеризует её как «богобоязненную царицу» («Плерофории», гл. 11) и её позиция для него значима. В «Плерофориях» Евдокия упоминается несколько раз. В одном повествовании (гл. 10) рассказывается о зловещем знамении накануне Халкидонского собора: с неба низвергся каменный дождь, и те, кто пытался подбирать камни и использовать их, теряли зрение. У Иоанна Руфа некий образованный священник Исихий показывает камни Евдокии, которая, таким образом приобщается к истолкованию откровения. В 11-й главе «Плерофорий» говорится о том, как после пожара в церкви Вознесения Евдокия взамен сгоревшего креста увенчала её крестом из бронзы.

В другом повествовании (Pler. 20) рассказывается о селении Ганта, в пятнадцати милях к северо-востоку от Иерусалима, которое по завещанию Евдокии отошло к Иерусалимской церкви (судя по положительным коннотациям, имеется в виду миафизитская церковь). Там жил подвижник по имени Павел, который чуждался общения с женщинами на-

³ Александрова Т. Л. Геронтий. Житие прп. Мелании / пер. и прим. Т. Л. Александровой // Вестник ПСТГУ. – Вып. 3. – С. 58.

столько, что не желал даже видеть женского лица. Далее говорится, что «императрица Евдокия, после того, как узнала об этом и сама на опыте убедилась, до самой смерти не желала принимать причастие ни у кого другого, кроме как у него – ни у священника, ни у клирика»¹. Иоанн Руф тут же указывает, что этого подвижника очень любил и почитаемый у миафизитов подвижник Пётр Ивер.

Отношениям Евдокии с Петром Ивером Иоанн Руф уделяет особое внимание. Пётр, по рождению принадлежавший к царскому грузинскому роду, в детстве был отправлен в Константинополь в качестве почётного заложника и пользовался расположением Феодосия II и Евдокии. Иоанн Руф подчёркивает «материнское» отношение царицы к подвижнику².

В сирийском переводе жития Петра Ивера Евдокия также упоминается с неизменным почтением, хотя Пётр в аскетической строгости уклоняется от встреч с ней. В житии сообщается также об образе жизни Евдокии в Палестине: одно время она жила в городе Иамнии неподалеку от моря, «потому что её часто мучили телесные болезни и врачи посоветовали ей найти место с другим климатом, где она могла бы восстановить силы, и поэтому она благоустроила это место»³ [12, с. 241]. Тут же сообщается о попутной миссионерской деятельности царицы: «Поскольку все жители этого поселения были самаряне, она построила в нем большой храм в честь перенесения мощей Стефана, главы мучеников, и апостола Фомы, и многих других святых мучеников. Она поставила там тех, кто право служит и назначила им предусмотренное содержание. Для своего собственного скромного проживания она возвела эту постройку...»⁴.

В небольшом отдельном повествовании «О смерти Феодосия» (вышеупомянутого архиепископа Иерусалима) Иоанн Руф сообщает о миафизитском монастыре, построенном в палестинском городе Елевферополе монахом Романом, которому также покровительствовала Евдокия⁵.

Иоанн Руф пишет, основываясь на воспоминаниях самого Петра Ивера и других мона-

хов миафизитского направления, поэтому его свидетельства выглядят убедительно. Но абсолютизировать их нельзя.

Совершенно иную, и при этом ничуть не менее правдоподобную картину, рисует известный агиограф VI века, Кирилл Скифопольский. Наиболее обстоятельный рассказ о Евдокии включён им в «Житие Евфимия Великого», отдельные упоминания встречаются и в других житиях. Как и Иоанн Руф, Кирилл Скифопольский пишет свои жития, во многом опираясь на живую устную традицию, между двумя агиографами разных направлений немало перекличек, они нередко упоминают одних и тех же людей. Но позицию Евдокии Кирилл изображает совершенно иначе, хотя и не умалчивает об её связях с миафизитами – в отличие от Иоанна Руфа, который ничего не говорит о её контактах с халкидонитами.

«Когда блаженная Евдокия была обманута Феодосием отлучена от кафолического общения, и со всем рвением старалась поддерживать и укрепить схизматиков, и сражалась против православных, все монахи святого града и пустыни пребывали в отступничестве, хотя Феодосий был изгнан и Ювеналий занял свою кафедру. Она же, поскольку неоднократно получала письма: и от своего брата Валерия⁶, и от зятя её дочери Олибрия⁷, – чтобы отойти от общения с евтихианами и присоединиться к кафолической церкви, а больше всего из-за случившегося у неё тогда горя, когда её зять в Риме был убит и после этого её дочь и внучки были взяты в плен в Африку, и мучилась, разрываясь в мыслях, и не желая идти против своей совести и ради привязанности к семье предать то, что в чём она была убеждена. И, движимая любовью к Богу, она предпочла обратиться к богоносным мужам и от них получить надёжнейшее уверение, и послала честнейшего хорепископа Анастасия вместе с несколькими из своих людей а Антиохию к святому Симеону Столпнику, который был великим светильником и сиял вселенной, и изложила ему в письме свои мысли и просила узнать у него угодное Богу решение»⁸.

В этом повествовании отражены подлинные факты: верно названы имя брата Евдокии, Валерия, и будущего мужа её внучки

¹ Nau F. (ed). Jean Rufus, évêque de Maïuma. Plérophories // Patrologia orientalis. – 1982. – Т. 8, F. 1, No. 36. – P. 40 (пер. с фр. мой. – Т. А.).

² «Отношения приёмной матери и сына были движущей силой во взаимодействии между императрицей Евдокией и Петром Ивером» [6, с. 197].

³ Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. – Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. – P. 241.

⁴ Там же. – P. 243 (пер. с англ. мой – Т. А.).

⁵ Там же. – LIII–LIV. – P. 296.

⁶ Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – Vol. 2: A.D. 395–527. – P. 1145.

⁷ Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – Vol. 2: A.D. 395–527. – P. 796–797.

⁸ Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. – Leipzig, J. G.: Hinrichs Verlag, 1959. – Bd. 49. – H. 2. – P. 47 (здесь и далее пер. с древнегр. мой – Т. А.).

Плацидии, Олибрия; достоверен рассказ о гибели Валентиниана III и пленении вандалами дочери и внучек Евдокии. В то же время рассказ об отчаянном противодействии Евдокии халкидонитам не вполне согласуется с конструктивным тоном папы Льва, а рассказ о её решительном повороте к Халкидону противоречит сведениям, которые даёт Иоанн Руф, утверждавший что поддержку миафизитов Евдокия не прекращала до самой смерти.

Весьма интересен сообщаемый Кириллом факт обращения Евдокии к Симеону Столпнику. В ту эпоху это был один из самых авторитетных отцов, но особенно примечательно то, что именно к Симеону Столпнику не раз обращался Феодосий II¹. Это обстоятельство, в сочетании с тем, что прежде Евдокия вполне последовательно держалась решений II Эфесского собора, не принимая Халкидона, заставляет предположить, что она хранила верность позиции своего покойного мужа, который оставался для неё значительным авторитетом. В этой связи сомнение в том, что между ними имел место какой-то разрыв, ещё более укрепляется.

Выставляя Евдокию жертвой введшего её в заблуждение антихалкидонитского архиепископа Феодосия, Кирилл отчасти снимает с неё ответственность за ошибку, в то время как на самом деле её позиция могла быть намного более осознанной и последовательной.

Интересно также, что в качестве доверенного лица Евдокии выступает хорепископ Анастасий – будущий архиепископ Иерусалима после смерти Ювеналия (VE, 31).

Дальнейший рассказ Кирилла Скифопольского выглядит так:

«А святой Симеон ответил ей, говоря: “Знай, что диавол, видя богатство твоих добродетелей, испросил сеять тебя, как пшеницу, и этот губитель Феодосий, ставший сосудом и орудием лукавого, омрачил и смутил твою боголюбивую душу. Но дерзай, ибо не оскудела вера твоя. Я же удивляюсь, что ты, имея поблизости источник, но не зная о нем, решила почерпнуть воды издалека. Ибо там у тебя есть богоносный Евфимий. Следуй же его наставлениям и внушениям и спасешься”. Услышав это, блаженная Евдокия не замедлила, но, сперва узнав, что великий Евфимий не входит в город, потрудились, чтобы на высочайшей возвышенности всей восточной пустыни возвести башню и там чаще приобщаться его божественного наставления.

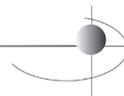
¹ Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. – Strassburg; B.; Leipzig, 1914-1984. – Т. 1-4, Vol. 1-17. – P. 146.

И посылает Косму Ставрофилакса и Анастасия хорепископа на поиски его. Они же, придя в лавру, когда он не послушал их и удалился в Руван, отправились к нему вместе с блаженным Феоктистом и многими словами с трудом убедив, привели его в эту воздвигнутую башню, где теперь основан монастырь Схолария². А она, увидев святого и исполнившись радости, поклонилась ему в ноги и сказала: “Ныне я узнала, что посетил Бог мое недостойнство через твое пришествие”. А старец, благословив её, сказал: “Внимай себе, о чадо, в будущем. Ибо за то, что ты подчинилась злу, исходящему от Феодосия, приключилось и тебе зло и горе в Италии. Отступи же от безумного любопрения и к трем другим святым Вселенским соборам, совершившимся в Никее против Ария и в Константинополе против Македония, и в Эфесе против Нестория, причти и определение, провозглашённое ныне собравшимся в Халкидоне вселенским собором, и, отступив от общения с Диоскором, воссоединись с Ювеналием, епископом Иерусалимским» (VE, 30)³. И, так сказав, помолвившись и простившись с ней, удалился. Она же, поражаясь добродетели святого мужа, на деле исполнила, что он сказал, как будто услышав это из уст Божиих. И тотчас войдя в святой город и через посредство пресвитеров Космы и Анастасия вступив в общение с архиепископом, воссоединилась с кафолической церковью, привела с собой множество мирян и монахов, обманутых Феодосием, собственным примером вернув их в кафолическое общение» (VE, 30). Далее упоминаются архимандриты Эльпидий и Геронтий (автор «Жития Мелании»), из которых первый воссоединился с кафолической церковью, а второй – нет, а также двое монахов, ушедших из общины Эльпидия, Маркиан и Роман (тот, о котором рассказывает и Иоанн Руф). Кроме того упоминается евнух Гавриил, из числа братии Евфимия, которого тот отдал Евдокии в переводчики.

По фактографии повествование Евфимия Великого выглядит вполне достоверным. Примечательно и то, что Евфимий, в отличие от Иоанна Руфа, не обходит молчанием несчастье Евдокии, которое действительно могло способствовать её воссоединению с Ювеналием: пленение вандалами её доче-

² В житии Саввы Освященного (гл. 38) Евфимий говорит, что после смерти Евдокии башня по преемству перешла к миафизитам.

³ Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. – Leipzig, J.G: Hinrichs Verlag, 1959. – Bd. 49. – H. 2. – P. 48-49.

ри и внучек в июне 455 года. В этой ситуации Евдокия были жизненно необходимы хорошие отношения с императорской властью, поддерживавшей халкидонитов, поскольку только императоры могли требовать от вандалов возвращения заложниц¹. Понятно, что в позиции царицы играло роль не внешнее принуждение, исходящее от членов семьи, а её собственное материнское горе. Евдокия ждала освобождения детей пять лет, но так и умерла, не дождаввшись. В какой момент совершилось её примирение с Ювеналием, неизвестно.

Есть ещё одно косвенное доказательство общения Евдокии с Евфимием Великим: это строительство ею храма мч. Полиевкта Мелитинского в Константинополе. В 20-е годы VI века этот храм был расширен до грандиозных размеров правнучкой Евдокии, Аникией Юлианой. В Палатинской Антологии сохранилась эпиграмма (кн. 1, 10), в которой излагается история строительства храма. В ней говорится, что первой храм возвела Евдокия, причём возвела его маленьким, хотя, будучи царицей, не испытывала недостатка в средствах. Но ей было дано обетование, что впоследствии её потомки его расширят, что и сделала Юлиана.

Кирилл Скифопольский сообщает, что Евфимий Великий был родом из Мелитины и родился по молитвам мч. Полиевкту («Житие Евфимия Великого», гл. 2) и в его монастыре начинал свой путь (гл. 5). В связи с Евдокией Полиевкт не упоминается, но в общем контексте можно понять, что именно Евфимий и дал Евдокии утешительное обетование, что её потомки расширят храм (для неё это означало прежде всего их возвращение из плена). Поскольку Евдокия в Константинополе уже не бывала, можно предположить, что храм был возведён на её средства женихом её внуки Олибрием, т. к. находился в его владениях.

Тот же Кирилл Скифопольский подробно рассказывает о смерти Евдокии: «А блаженная Евдокия, построила для Христа такое множество церквей, монастырей и богаделен, что не в моих силах и сосчитать. Одна из основанных ею церквей находится напротив монастыря великого Евфимия, в двадцати

¹ Возможно, в ходе этих её вынужденных сношений с императорской властью в Константинополе были переданы в качестве реликвии священный сорос (раку) и ризы Богоматери. Об этом сообщает Никифор Каллист в «Церковной истории» (кн. 15, гл. 14), используя «Евфимиеву историю». [9, с. 204–205]. Хотя в этом повествовании инициатива перенесения приписывается Пульхерии, Маркиану и архиепископу Ювеналию, возможно, это перетолкование истории в более благочестивом, с точки зрения халкидонитов, ключе.

стадиях, и называется церковью святого Петра. В ней она приказала выкопать большой ров и в дни святой Пятидесятницы явилась, чтобы посмотреть, как идёт работа, а присмотревшись, увидела простирающуюся лавру великого Евфимия и монашеские кельи, рассеянные по пустыне. И сильно растрогалась и вспомнила место из Писания: «сколь возлюбленны дома твои, Иаков, селения твои, Израиль» (Числ. 24, 5) – и послала игумена церкви святого Стефана, Гавриила, к великому Евфимию, прося, чтобы ей войти и сподобиться его молитвы и поучения. А великий Евфимий передал ей: «Что ты, чадо, заботишься о многом? Я думаю, что ещё до зимы ты отойдешь ко Господу. Так постарайся за лето собраться и приготовиться к исходу, и не старайся, пребывая во плоти, поминать меня ни на письме, ни устно, — я говорю о дарах и наследовании. Но когда взойдешь к Владыке всех, там помяни меня, чтобы и меня Он принял с миром, когда пожелает, и как желает Его человеколюбие». Услышав это, блаженная сильно опечалилась, больше всего потому, что он сказал ей «поминать меня ни на письме, ни устно», – потому что она хотела оставить ему по завещанию большое содержание. И спешно отправившись в город, и пригласив архиепископа, и поведав, что сказал великий Евфимий, велела освящать ещё незавершённый храм святого первомученика Стефана в пятнадцатый день июня и, назначив ему большой доход, препоручила заботу о нем Гавриилу. И обошла и обновила все основанные ею церкви, и назначила каждой достаточный доход. А когда прошло четыре месяца после освящения, благочестиво и богоугодно предала дух в руке Божии в двадцатый день месяца октября, четырнадцатого индиктиона»².

Совершенно очевидно, что Кирилл описывает праведную кончину царицы и посвящённые ей пассажи в житии Евфимия сами по себе выдержаны в житийном тоне. Ещё одно подтверждение почтительного отношения к Евдокии в халкидонитской среде – тот факт, что списки её Гомеровских центонов бытовали в монастыре Саввы Освященного [15, с. XXV–XXXVII] (чего, вероятно, также не могло бы быть, если бы её имя, слишком хорошо известное в Палестине, было одиозно для халкидонитов). Как бы то ни было, к VI веку в Палестине возобладала ортодоксия. «Течение повернулось против антихалкидонитов,

² 20 октября 460 г. Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. – Leipzig, J.G: Hinrichs Verlag, 1959. – Bd. 49. – H. 2. – P. 53.

когда со смертью императрицы Евдокии они лишились её поддержки, которая составляла главную силу антиювеналиевской партии»¹. Однако, если бы Евдокия действительно была главной опорой миафизитов, едва ли возможны были бы столь доброжелательные отзывы о ней из среды халкидонитского монашества.

Интересно, что Евагрий Схоластик, в «Церковной истории» подробно описывавший благотворительную деятельность Евдокии в Палестине, просто снимает вопрос о её связях с миафизитами, утверждая, что она умерла раньше Феодосия II (кн. 1, 22), и создавая таким образом исключительно благочестивую и беспроblemную версию этой истории.

Реабилитация Евдокии у халкидонитов VI века и признание её заслуг по умирению Палестины, возможно, связаны с той политикой в отношении миафизитов, которую проводил Юстиниан. Возможно, в ту же эпоху возникают легенды о примирении Евдокии с Пульхерией². В смысле неоднозначности оценки противоборствующими партиями Евдокии сопоставима с Феодорой, которую так же чтили миафизиты и в конце концов канонизировали православные.

О широкомасштабной строительной деятельности Евдокии в Иерусалиме сообщают все источники, однако археологические раскопки обнаруживают не так уж много памятников, определённо связанных с её именем [7, с. 85–95]. В основном они были разрушены, скорее всего, в начале IX века при халифе Харун ар-Рашиде. На месте грандиозной базилики св. Стефана, в которой была

похоронена Евдокия, ныне находятся католическая церковь в честь первомученика и доминиканский монастырь, а также знаменитая *École biblique et archéologique française de Jérusalem*³.

Заключение. Вопрос, какую позицию на самом деле Евдокия занимала в противостоянии халкидонитов и миафизитов, всё равно остаётся открытым и решить его окончательно представляется невозможным из-за значительной тенденциозности всех существующих источников, ретроспективно искажающих события в пользу своей стороны. По сохранившимся свидетельствам ясно лишь то, что её равно желали видеть своей союзницей обе противоборствующие партии, обе относились к ней с почтением и готовы были считать за свою. Вызвано ли это отношение тонкой дипломатией самой царицы, или тем, что обе группировки искусно манипулировали ею и её личным горем, непонятно. Возможно, догматические вопросы не были для неё так важны, как для монахов и прочих клириков, с которыми она общалась. Возможно, покровительствовать миафизитам её побуждали «материнские» чувства к Петру Иверу. Возможно также, что она последовательно добивалась примирения сторон. Но, надо полагать, интерес Евдокии к подвижничеству не был лишь благочестивой позой и именно этим вызывал уважение даже у тех, кто не разделял её взглядов. Несомненно также, что в столь сложной ситуации, как церковно-политической, так и личной, она умела держаться с достоинством, привлекать к себе симпатии людей и находить общий язык с той средой, в которой вольно или невольно оказалась.

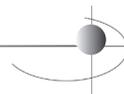
Список литературы

1. Александрова Т. Л. Феодосий II и Пульхерия в изображении Созомена (к проблеме датировки «Церковной истории») // Вестник древней истории. 2016. № 76/2. С. 151–166.
2. Иванов С. А. «Никон Черногорец и “Евфимиева история”: парадоксы святости в Византии» – available at [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.medieval.hse.ru/news/176284000.html> (дата обращения: 15.01.2017).
3. Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 542 с.
4. Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Владимир: Типо-Литография В. А. Паркова, 1901. Т. 1. 732 с.
5. Burgess R. The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic // Byzantinische Zeitschrift. 1993/1994. No. 86/87. P. 47–68.
6. Horn C. Empress Eudocia and the Monk Peter the Iberian: Patronage, Pilgrimage, and the Love of a Foster-Mother in Fifth-Century Palestine // Byzantinische Forschungen. 2004. Bd. 28. S. 197–213.
7. Klein K. Do good in thy good pleasure unto Zion: the patronage of Aelia Eudokia in Jerusalem // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011/2012, pblish. 2014. No. 60/61. P. 85–95.

¹ Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. – Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. – P. 55.

² Такая легенда зафиксирована, в частности, у Никифора Каллиста («Церковная история», кн. 15, гл. 12).

³ Horn, Phenix. – P. 67.

8. Livrea E. L'imperatrice Eudocia santa? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1997. No. 119. P. 50–54.

9. Lourié B. L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios / Euphemios de Constantinople (430–496, +515) // Warszawskie Studia Teologiczne XX. 2007. No. 2. P. 189–221.

Источники

10. Александрова Т. Л. Геронтий. Житие прп. Мелании / пер. и прим. Т. Л. Александровой // Вестник ПСТГУ. № 3. С. 71–108.

11. Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. T. 1–4, Vol. 1–17.

12. Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. 370 p.

13. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 2: A. D. 395–527. 1342 p.

14. Nau F. (ed). Jean Rufus, évêque de Maïuma. Plérophories // Patrologia orientalis. 1982. T. 8, F. 1, No. 36. 208 p.

15. Schembra R. (ed.) Homocentones // Corpus Christianorum. Series Graeca. 2007. Vol. 62. 492 p.

16. Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, J.G: Hinrichs Verlag, 1959. Bd. 49. H. 2. 415 p.

Статья поступила в редакцию 11.10.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Александрова Т. Л. Последние годы императрицы Евдокии в Палестине // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 55–64.

Tatiana L. Alexandrova,

Candidate of Philology,

Saint Tikhon's Orthodox University

(Building 5a, 23 Novokuznetskaya st., Moscow, 115184, Russia),

e-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

The Last Years of the Empress Eudocia in Palestine

The paper reviews the position of the Empress Eudocia in religious war between the Chalkidonians and the Miaphysites in the 450s. Existing evidences are contradictory: both parties are inclined to call her their supporter. Scholars used to uphold one or another party, but the criteria for the choice are quite subjective, as well as views on the extent of Eudocia's Christianity. The article dwells on all extant sources narrating the sojourn of Eudocia in Palestine and her religious views. The author manages to show that Eudocia was quite competent with doctrinal matters, and besides, she was involved in politics in connection with the succession to the throne. In the monastic milieu, both in Chalkidonian and Miaphysite, she enjoyed considerable influence and both parties speak about her with sympathy. It is unknown whether this attitude is the consequence of fine diplomacy of the Empress or both parties manipulated her and her misfortune (the imprisonment of her daughter and granddaughters by Vandals). The final solution of the problem seems to be almost impossible because of distortion of the historic truth, which both sides allow in their favour. The author suggests that subsequent rehabilitation of Eudocia among the Chalcedonians is connected with the policy of reconciliation towards the Miaphysites, carried out by Justinian.

Keywords: Empress Eudocia, Palestine, Jerusalem, Chalkidonian, Miaphysite, religion, christianity

References

1. Aleksandr ova T. L. Feodosii II i Pul'kheriya v izobrazhenii Sozomena (k probleme datirovki «Tserkovnoi istorii») // Vestnik drevnei istorii. 2016. № 76/2. S. 151–166.

2. Ivanov S. A. «Nikon Chernogorets i "Evfimieva istoriya": paradoksy svyatosti v Vizantii» – available at [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.medieval.hse.ru/news/176284000.html> (data obrashcheniya: 15.01.2017).

3. Kartashev A. V. Vselenskie sobory. M.: Respublika, 1994. 542 c.

4. Sergii (Spasskii). Polnyi mesyatseslov Vostoka. Vladimir: Tipo-Litografiya V. A. Parkova, 1901. T. 1. 732 s.

5. Burgess R. The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic // Byzantinische Zeitschrift. 1993/1994. No. 86/87. P. 47–68.

6. Horn C. Empress Eudocia and the Monk Peter the Iberian: Patronage, Pilgrimage, and the Love of a Foster-Mother in Fifth-Century Palestine // Byzantinische Forschungem. 2004. Bd. 28. S. 197–213.

7. Klein K. Do good in thy good pleasure unto Zion: the patronage of Aelia Eudokia in Jerusalem // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011/2012, pblsh. 2014. No. 60/61. P. 85–95.
8. Livrea E. L'imperatrice Eudocia santa? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1997. No. 119. P. 50–54.
9. Lourié B. L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios / Euphemios de Constantinople (430–496, +515) // Warszawskie Studia Teologiczne XX. 2007. No. 2. P. 189–221.

Istochniki

10. Aleksandrova T. L. Gerontii. Zhitie prp. Melanii / per. i prim. T. L. Aleksandrovoi // Vestnik PSTGU. N. 3. S. 71–108.
11. Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. T. 1–4, Vol. 1–17.
12. Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. 370 p.
13. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 2: A. D. 395–527. 1342 p.
14. Nau F. (ed). Jean Rufus, évêque de Maïuma. Plérophories // Patrologia orientalis. 1982. T. 8, F. 1, No. 36. 208 p.
15. Schembra R. (ed.) Homocentones // Corpus Christianorum. Series Graeca. 2007. Vol. 62. 492 p.
16. Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, J.G. Hinrichs Verlag, 1959. Bd. 49. H. 2. 415 p.

Received: December 11, 2016; accepted for publication October 15, 2017

Reference to the article

Alexandrova T. L. The Last Years of the Empress Eudocia in Palestine // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 55–64.